

Т.А. Ковалева

Особенности употребления фразеологических эвфемизмов ядерных номинаций концепта «death»

Использование фразеологических эвфемизмов маскирует суть происходящего, нередко скрывая самые мрачные явления действительности под маской мнимого благополучия. С помощью фразеологических эвфемизмов более полно отображаются культура и обычаи определенного народа. Анализ происхождения фразеологических эвфемизмов концепта «death» указывает на то, что данный концепт является одним из самых табуированных и что западное общество стремится уйти от вербального соприкосновения даже с тем, что вполне естественно и заложено самой природой.

Ключевые слова: фразеологические эвфемизмы; концепт; смерть.

Сегодня изучение различных языковых явлений, в частности фразеологических эвфемизмов, все больше смещается в сферу когнитивной лингвистики. Исследования фразеологических эвфемизмов в свете данного лингвистического направления дают возможность по-новому взглянуть на уже известные явления, а также объяснить, уточнить и дополнить тот или иной языковой феномен.

Эвфемизмы являются языковым отражением разного рода социальных категорий и концептов. Многие ученые поднимают вопрос о проблеме интерпретации понятия *концепта* в различных дисциплинах. А.В. Алексеев указывает на то, что, хотя задачи исследования у них отличаются, предметом признается языковая семантика, «которая формируется при взаимодействии двух разных кодов — языка и культуры» [1: с. 85].

В данной статье мы рассматриваем фразеологические эвфемизмы английского языка как культурные концепты, в которых, в общем представлении, объединены слова, вещи, мифологемы и ритуалы [5: с. 134]. Фразеологические эвфемизмы, в отличие от эвфемизмов — единичных слов, имеют дополнительные коннотации, полнее раскрывают культурно-социальный смысл нового названия, выступают более сложным отражением общественной оценки

явления, ярче выражают стилистическую и жанровую принадлежность названия, относятся к частотному виду эвфемистических замен [2: с. 52].

Трудно недооценить замечания о том, что «лексическое содержание оказывается наиболее актуальным для культурологической, логической и исторической интерпретаций концепта. Собственно лексический концепт разворачивается в истории, и как историческая реальность отождествляется со словом, и потому предметы исследования исторической концептологии и исторической лексикологии в значительной степени совпадают» [1: с. 88].

Обращение к концепту *смерть* (*death*) связано с тем, что он относится к числу из базовых концептов, универсален по своей сути, т. е. представлен во всех лингвокультурах [4: с. 56]. Феномен смерти всегда интересовал человека, эта тема занимает важное место в культуре и философии и остается актуальной в современном мире. В данном концепте актуализируется общественно-исторический опыт, накопленный человечеством за всю историю своего существования. Однако в естественных языках этот базовый концепт находит разное преломление, так как у каждого народа свое видение вопроса о том, что такое конец жизни и что ждет человека после смерти.

Банально, но смерть — большое табу для современного западного общества. Во времена Средневековья люди боялись смерти, но не дрогнули перед ней, изгоняя ужас смерти, смело противостоя ее образу в религиозной и популярной иконографии. Викторианцы, наполовину обожевлявшие ее, идеализировали смерть и были склонны к открытому обращению к смерти. Но сегодня, когда образ смерти используется в военных комиксах, телевизионных программах о преступлениях, когда в игровое кино включены сцены убийства ради дешевых острых ощущений зрителей, предпринимаются значительные усилия, чтобы избежать непосредственного упоминания о смерти, так как упоминание о ней смущает людей и порождает страх, особенно в связи с повсеместными террористическими угрозами.

Основным средством репрезентации концепта служит семантическое поле, название которого является ключевым словом, реализующим данный концепт в тексте. Но существуют и другие средства вербализации концепта, которые относятся уже к другим слоям, ядерным и периферийным [1: с. 87–88].

В рамках ограниченного объема статьи раскроем лишь ядерные номинации концепта **death**, а именно *смерть* и *умирать*, представленные разнообразными фразеологическими эвфемизмами, которые согласно функционально-семантическим характеристикам имеют единую семантическую основу, исходящую из постулата: смерть многолика, но мы говорим о смерти, как о чисто биологическом процессе (остановке жизненно важных функций организма).

Понятие отсутствия умершего выражается с помощью словосочетания *нет больше с нами* (*no longer with us*), и наоборот, утвердительное высказывание *всё ещё с нами* (*still with us*) обозначает все еще живой; что касается реакции друзей умерших людей и отношения к их отсутствию, то в таких

случаях говорят, что умершие люди для них потеряны и что это для них *горькая утрата* (*sadly missed*). Человека, который оплакивает смерть другого человека, называют *оставленным после себя* (*left behind*).

Определение смерти соотносится с состоянием сна — состояния, которое имитирует некоторые признаки смерти в достаточной степени, чтобы служить источником для выражения *маленькая смерть*. Как и слово *отдыхать* (*rest*), выражение *спать* (*sleep*) существовало в течение столетий в качестве эвфемизма для словосочетания *быть мертвым*, например в «Элегии на сельском кладбище» Томаса Грея (1750) есть такие строки: «Под кровом черных сосен и вязов наклоненных, которые окрест, развесившись, стоят, / Здесь праотцы села, в гробах уединенных / Навеки затворясь, сном непробудным спят (Beneath those rugged elms, that yew-tree's shade, Where heaves the turf in many a mouldering heap, Each in his narrow cell for ever laid, The rude forefathers of the hamlet sleep)» [6: p. 234].

В этом контексте обычно используются фразеологические эвфемизмы со словом *сон*: *вечный сон* (*last sleep*), *сон смерти* (*sleep of death*) и т. д. Слова сэра Вальтера Скотта *спит непробудным сном...* (1810) типичны для более цветистых иносказаний. Причастие *спящий* (*asleep*) выполняет ту же самую функцию: такой фразеологический эвфемизм, как *спящий вечным сном* (*asleep in Jesus*), впервые был употреблен в XII в., а выражение *заснул вечным сном* (*asleep in the Lord*) обычно используется в качестве синонима глагола умирать в надписях на могильных плитах и в некрологах. Выражение *закрывать глаза* (*close one's eyes*) имеет такую же трактовку (*умереть*), так как оно основано на схожести *сна* и *смерти*.

В поэзии употребление фраз *благословленное избавленье* (*blessed release*) и *счастливое избавленье* (*happy release*) в случаях упоминания о смерти является обычным. Та же самая идея лежит в основе выражения *последнее решение* (*last quietus*). Первоначально это выражение обозначало *освобождение от обязанностей*. Но когда Шекспир вложил в уста Гамлета слова: «Когда так просто сводит все концы удар кинжала», производные слова *конец* начали употребляться в таких выражениях, как *покончить жизнь самоубийством* — *take one's quietus* (т. е. *убить себя*) и *покончить с жизнью* — *get one's quietus* (т. е. *умереть, убить себя*) [6: p. 234].

Идея *смерти* как перехода в какое-то определенное или неопределенное место или состояние, которое не является жизнью, довольно стара, но в то же время обоснована и интересна. Данная идея воплощена во фразеологических эвфемизмах с глаголом *идти, уходить*, которые приобретают более широкий смысл, включая в себя выражение *перейти, отойти* (*go on, go over*), под которым подразумевается переход в другое состояние (*cross over, pass over*) и существование *другой стороны*, куда душа отправляется после смерти тела.

Конструкции с глаголом *проходить* (*pass*) являются одними из важных, заменяющих понятие *смерть*, например в выражениях *исчезать, пройти* (*pass*

away) и *перейти, отойти (pass on)*. Первое выражение достаточно старое, относится к XIV в., а второе, которое употребляется в речи с XIX в., является сравнительно новым, но оба выражения имеют более сентиментальную окраску и, в отличие от глагола *уходить*, обозначают более мягкий, более постепенный переход (к другой жизни). Выражения *уйти, отойти (gone before)* подразумевают, что душа мертвого человека продолжает свой путь туда, где позже к ней присоединятся души тех людей, которые пока живы. Таким же образом возникают слова *умерший, ушедший (lost, but gone before)*. Фразеологические эвфемизмы с глаголом *скончаться (depart)* имеют мрачную окраску, приносят официальный оттенок: *depart his life — окончить жизнь* вместо *умереть — die* (датируется, по крайней мере, XVI в.). Разговорные метафоры, основанные на сравнении смерти с путешествием, включают в себя слова *откинуться, внезапно уйти (pop off)*, первый случай употребления зафиксирован в 1764 г. Американизированное выражение *уйти в отставку (check out)* возникло, вероятно, благодаря схожести процесса с *выездом из отеля*. Слово сочетание *прощаться с жизнью (take leave of life)* предполагает наличие смелости и гордости перед лицом смерти и в то же самое время тонко показывает наличие контроля или выбора со стороны умирающего.

В основу многих метафор положен образ воображаемого predetermined пункта назначения, который варьируется от неопределенного, теперь уже устаревшего, слова прочь до чего-то конкретного (*счастливая загробная жизнь, рай — happy hunting grounds*), куда, по общему мнению, отправляются души индейцев, хотя фактически нет никакого свидетельства, что это выражение было в употреблении у коренных американцев. Неудивительно, что в иудейско-христианской традиции конечный пункт существования — *небеса, Небесное царство* — так называемое общество, которое там обитает (также неудивительно, что слова *преисподняя, ад* не употребляются в речи). Таким образом, мертвый человек оказывается *на небесах (in heaven, in/with the Lord)*, *в объятиях Господа (in the arms of Jesus)*, *на груди у Авраама (in Abraham's bosom)*, *с Создателем (with one's maker)* и т. д. Более неопределенные выражения включают в себя словосочетания *в лучшем мире (in, to a better place)*, *на другой стороне (the other side)*.

Метафора *дом, последний дом (long home, last home)* восходит к традиционному христианскому представлению о небесах как об истинном доме души и о земле как о месте временного изгнания. Другие христианские мотивы проскальзывают в выражениях *быть вознагражденным (go to one's reward)*, американское понятие XIX в., которое заключалось в том, что хорошее поведение должно быть вознаграждено (*go to glory*), *отправиться к праотцам (join the majority)*, выражение имеет двойной смысл: погибнув, мы встречаемся с нашими предками, которых гораздо больше, чем ныне живущих на земле людей. *Отдать Богу душу (meet one's maker)*; Бог — создатель человечества, который проживает на небесах и который забирает наши души. Исходя

из мифов, выражение *войти в подземное царство* (*go west*) основано на вере в то, что *подземное царство* — это место, где не бывает солнца, это царство темноты, холода, смерти (хотя на самом деле, не считая единичного примера использования выражения в XVI в., оно не вошло в обиход до Первой мировой войны). Антонимом *пункта назначения* является *пункт отправления*, что прослеживается в выражении *земля живых* (*land of the living*), которое обычно используется в отрицательных или положительных контекстах, например, *если он все еще на земле живых* (*if he is still in the land of the living*), т. е. *если он еще не умер*. Это прямой перевод еврейской идиомы, которая появилась в английском языке в результате заимствования из Библии («И отторгнем его от земли живых», Иеремия 11:19) (цит. по: [6: р. 236]).

Следующие выражения представляют собой «официальное соглашение со смертью». Лингвистически это оформлено в таких словосочетаниях, как *последний зов* (*final summons*), *Господь послал за ним* (*the Lord sent for him*), *призвал к высокому служению* (*called to a higher service*), которые предполагают существование предложения, от которого нельзя отказаться. Таким образом, покойник *отвечает на зов* (*answers the call*). По крайней мере, всё это подразумевает некоторое подобие *извинения*. Бог выступает скорее в роли командира, чем хозяина, например, выражение *призван к Вечной Славе* (*promoted to Glory*), употребляемое в Армии Спасения, описывает переход в иной мир как шаг по карьерной лестнице военной иерархии [6: р. 237].

Смерть как конец предстает в диапазоне метафор, содержащих в себе слово *последний* (*last*): *чьи-то последние дни* (*last days*) — это *конец* чьей-то жизни; *последний вздох* (*breathes his last*) — остановка дыхания, смерть; чьи-то *последние слова* (*last words*) — это слова, сказанные перед смертью. О.В. Вострикова отмечает, что метафора является одним из самых частотных семантических процессов образования эвфемизмов за счет развития новых значений внутри семантической структуры уже существующих лексических единиц [2: с. 44]. Существительное *смерть* синонимично слову *конец* — *latter end* (которое использовалось с XV в.) или выражению *плохой конец* — *a sticky end* (*плохо кончить*), когда речь идет о жестокой смерти. Слово *конец* (*late*) является одним из самых распространенных эвфемизмов *смерти*; имеющих значение *умер совсем недавно* (например, *мой недавно умерший отец* — *my late father*). В данном случае в основу метафоры положены понятия *на днях*, *недавно*, а не понятие *последнего* периода в жизни, граничащего со смертью. И логичное умозаключение: если кто-то дошел *до конца*, значит кого-то *больше нет* (*no more*): «But Cassius is no more» — «Но Кассия больше нет», Шекспир, «Юлий Цезарь», 1601 [6: р. 238].

Одна из самых смелых стратегий отрицания смерти связана с представлением о том, что смерть — это жизнь. Если вы сможете убедить себя, что мертвый человек в действительности не умирал, то вы будете в некоторой степени успокоены. Таким образом, религиозные люди скажут, что такой-то *жив*

в *Иисусе* (*alive with Jesus*), *живет в Божьем кругу* (*lives in the bosom of the Lord*) и т. д. Такие выражения предполагают плавное продолжение земного существования. Некоторые выражения допускают постоянство жизни в измененной форме: *вечная жизнь* (*eternal life*), *более высокая жизнь* (*a higher life*). И более привычное выражение *страхование жизни* — *life insurance* (впервые зафиксировано в 1809 г.), используемое для обозначения защиты от смерти, попадает в эту же категорию [6: p. 233].

Понятия *мертвый* (*being at rest*), *похороненный* (*laid to rest*) имеют значение спокойствия и безмятежности, освобождения от жизненных неурядиц, которое может ослабить боль понесшего тяжелую утрату. Это древний эвфемизм, приписываемый англосаксонским предкам англичан. Данное понятие находит выражение также в латинском словосочетании *requiescat in pace* (т. е. *покойся с миром*), обнаруженном на надгробиях. В английском языке слово *мир* (*peace*) также многозначно и метафорично: выражения *успокоившийся в мире* (*at peace*), т. е. *мертвый*, и *ушедший в лучший мир* (*peace at last*) могут быть прочитаны на надгробиях.

Одним из самых распространенных видов эвфемизмов являются религиозные фразеологические эвфемизмы слова *смерть*. Идею о том, что душа покидает тело, иллюстрирует выражение *отдать душу* (*resign one's spirit*), которое подразумевает, что Бог собирает души людей. Другим способом выразить ту же самую мысль является словосочетание *испустить дух, признаваться безнадежным* (*give up the ghost*), которое относится к англосаксонским временам и которое имело тот же смысл, что и *отдать душу*, но в настоящее время его избегают. *Смерть с косой (жнец)* — *The (Grim, Great, Old) Reaper* (чаще *смерть*, иногда *всадник по имени Смерть*), предполагает дохристианскую религиозную подоплеку, но на деле такие выражения не были в употреблении до середины XIX в. В них *смерть* предстает в образе человека (в английском языке это чаще мужчина, редко женщина с косой), собирающего жизни так же, как земледelec собирает урожай. В религиозных кругах об умершем говорят, что он *играет на арфе* — *playing his harp* — это выражение образовалось благодаря известной иконе, на которой ушедшие души изображаются в виде ангелов, которые сидят на облаках и играют на арфах) [6: p. 239].

Одной из самых известных номинаций фразеологических эвфемизмов является идея прославления или же, наоборот, обыденности и тривиальности смерти в бою. На смену поэтическому *pro patria mori* (*умереть за родину*) приходит глагол *погибнуть* (*fall*), который приравнивает смерть от врага к смерти споткнувшегося о камень. Первое использование глагола *погибнуть* в этом значении, которое происходит от выражения *упасть замертво* (*fall dead*), датируется XVI в., и с тех пор он становится подобающим описанием смерти в сражении, его произносят торжественным тоном и потупив глаза, пренебрегая любой отсылкой к действительным (предположительно неприятным, ужасающим и т. д.) обстоятельствам смерти.

Многие фразеологические эвфемизмы, такие как *жертвовать жизнью* (*the supreme sacrifice, the ultimate sacrifice*), *пасть в бою за родину*, появились в годы Первой мировой войны и впервые зафиксированы в 1916 г. Вероятно, они были придуманы для того, чтобы морально поддержать солдат, используемых как пушечное мясо в этой наиболее бессмысленной из войн.

Подобное значение имеет и выражение *отдать свою жизнь* (*lay down one's life*), которое вошло в английский язык благодаря Иоанну Богослову: «Нет больше той любви, как если кто положит душу свою за друзей своих» (позже было адаптировано Джереми Торпом при описании увольнения Гарольда Макмиллана семи членами из его кабинета в течение политического кризиса 1962 г. и звучало таким образом: «Greater love hath no man than this, that he lay down his life for his friends») [6: p. 240]. Общий в применении, этот эвфемизм практически чаще всего используется для обозначения людей, которые *отдали свои жизни* на войне. Не будучи пришедшими из военного лексикона, но теперь обычно используемыми в этом контексте являются выражения *вырублен, отключен* (*cut off*). Они означают *убитый преждевременно, не пройдя среднюю продолжительность жизни*, и более обычное, *погибнуть в расцвете сил* (*cut off in one's prime*). Такие величественные иносказания смягчают новости о смерти на войне главным образом для широкой публики. Те, кто на самом деле находятся в центре боя, выбирают более житейские метафоры, чтобы отшутиться от жестокой реальности убийства: про убитого товарища говорят, что он *купился* (*have bought it*) (относится к началу XIX в.), или *сцанан, пойман* (*copped it, copped out*), не просто *был ранен*, а *уклонился от обязанностей* (*copped a packet*) или *схлопотал* (*got it, got his*). Американские солдаты, подразумевая смерть в бою, часто говорят, что по кому-то *пробили барабанную дробь* (*it's taps*). Это является намеком на более раннее использование выражения *барабанная дробь* (*tap*), в котором подразумевается дробь, звучащая в военном учреждении на закате или на военных похоронах. Первоначально использовали словосочетание *барабанная дробь* (*drum roll*), однако позднее ему на смену пришло выражение *трубить в горн* (*to be played on the bugle*). Англицизм *to go for a Burton* (*быть убитым*) возник в годы Второй мировой войны. Впервые он применялся по отношению к пилотам, убитым в бою, но впоследствии его значение изменилось от общего *быть убитым* до *быть уничтоженным*. Никто не знает источника появления данного выражения, предполагается, что оно произошло от *leaving in order to get a drink* (уйти, чтобы выпить), так как *Burton* — название одного из сортов пива.

В XX в. также появилось достаточное количество фразеологических эвфемизмов с более завуалированным характером номинации: *call it a day* (*пора кончать*), *hand in one's dinner-pail* (*раздавать судки*), *hang up one's hat* (*повесить чью-то шляпу*), *jack it in* (*бросить все*), *kick the bucket* (*сыграть в ящик*), *last round up* (*последнее сборище*), *settle one's accounts* (*сводит счета*), *written*

out of the script (*переписать сценарий*), этимология которых связана прежде всего с повседневной жизнью: *устроить дела* (*settle one's accounts*) обычно используется для описания состояния человека, который находится на пороге смерти и должен закончить все свои дела.

Фразеологические эвфемизмы помогают более четко и ярко отобразить культуру и обычаи людей. И приведенные примеры показывают, что западный мир очень крепко держится за идею благополучной жизни, ради которой он многим жертвует. Даже сама идея смерти, т. е. возможности покинуть это благополучие, является для него неприемлемой. Именно с этим связано появление огромного числа фразеологических эвфемизмов, выраженных прежде всего метафорой, основная функция которой — образование переносного значения, позволяющего обмануть реальность.

Библиографический список

Литература

1. *Алексеев А.В.* Лексикологические аспекты изучения концептов // Вестник МГПУ. Сер. «Филология. Теория Языка. Языковое образование». 2015. № 3 (19). С. 83–89.
2. *Вострикова О.В.* К вопросу о систематизации лексических эвфемизмов // Вестник МГПУ. Сер. «Филология. Теория Языка. Языковое образование». 2008. № 1 (18). С. 41–48.
3. *Ковшова М.Л.* Семантика и прагматика эвфемизмов // Краткий тематический словарь современных русских эвфемизмов. М.: Гнозис, 2007. 320 с.
4. *Лягушкина Н.В.* К вопросу о формировании базовых концептов: пространство // Вестник МГПУ. Сер. «Филология. Теория Языка. Языковое образование». 2012. № 2 (10). С. 55–62.
5. *Степанов Ю.С.* Константы. Словарь русской культуры. М.: Школа «Языки русской культуры», 1997. 540 с.

Справочные и информационные издания

6. *Ayto J.* Dictionary of Euphemism. London: Bloomsbury Publishing Plc, 2000. 332 p.

References

Literatura

1. *Alekseev A.V.* Leksikologicheskie aspekty' izucheniya konceptov // Vestnik MGPU. Ser. «Filologiya. Teoriya Yazy'ka. Yazy'kovoe obrazovanie». 2015. № 3 (19). S. 83–89.
2. *Vostrikova O.V.* K voprosu o sistematizacii leksicheskix e'vfemizmov // Vestnik MGPU. Ser. «Filologiya. Teoriya Yazy'ka. Yazy'kovoe obrazovanie». 2008. № 1 (18). S. 41–48.
3. *Kovshova M.L.* Semantika i pragmatika e'vfemizmov // Kratkij tematicheskij slovar' sovremenny'x russkix e'vfemizmov. M.: Gnozis, 2007. 320 s.
4. *Lyagushkina N.V.* K voprosu o formirovanii bazovy'x konceptov: prostranstvo // Vestnik MGPU. Ser. «Filologiya. Teoriya Yazy'ka. Yazy'kovoe obrazovanie». 2012. № 2 (10). S. 55–62.
5. *Stepanov Yu.S.* Konstanty'. Slovar' russkoj kul'tury'. M.: Shkola «Yazy'ki russkoj kul'tury'», 1997. 540 s.

Spravochny'e i informacionny'e izdaniya

6. *Ayto J.* Dictionary of Euphemism. London: Bloomsbury Publishing Plc, 2000. 332 p.

T.A. Kovaleva

**Phraseological Euphemisms of Nuclear Nominations of the Concept «Death»:
Usage Particularities**

The use of phraseological euphemisms masks what is going on, typically hiding the darkest aspects of reality under the guise of imaginary well-being. Phraseological euphemisms give better featured reflections of a nation's culture and customs. The analysis of the origin of phraseological euphemisms of the concept «death» indicates that this concept is one of the most strictly tabooed, and Western society seeks to escape even verbal contact with what is natural and inherent by the nature.

Keywords: phraseological euphemisms; concept; death.